

Необычайное чаепитие в

ЗЕМЛЯКИ

«Чаепитие, правда, было заключительной, тёплой и светлой нотой в этой длинной истории. А нота потому, что смысл всего этого рассказа – музыка.

В 1957 году Ярославский симфонический оркестр возглавил молодой дирижёр Юрий Аранович. Потом были блестящие восемь лет, вошедшие в историю культурной жизни Ярославля. Оркестр стал популярен во всём Советском Союзе. С ним выступали самые известные исполнители того времени. Но творческая жизнь для молодого дирижёра складывалась сложно, и в 1972 году после нескольких лет работы в Москве с оркестром Всесоюзного радио и телевидения он вынужден был эмигрировать в Израиль. В СССР Юрий Аранович был «невъездным» дирижёром. И после отъезда уничтожили все записи его концертов.

Аранович стал дирижировать израильскими симфоническими оркестрами, был главным дирижёром и художественным руководителем Кёльнского оркестра, главным дирижёром Королевского Стокгольмского симфонического оркестра (избран его пожизненным членом), с успехом сделал ряд звукозаписей, выступая с лучшими оркестрами Европы, США, Японии и других стран. В 1974 году состоялся его оперный дебют в лондонском театре «Ковент-Гарден» постановкой «Бориса Годунова».

В оперном репертуаре дирижёра преобладали произведения русских и итальянских композиторов. На оперном фестивале «Арена ди Верона» дирижёр был удостоен премии за лучшую интерпретацию опер Пуччини. А в 1984 году стал членом Шведской академии музыки, через год первым из иностранных дирижёров был награждён рыцарским орденом «Полярной звезды» за выдающийся вклад в музыкальную жизнь Швеции.

Такого ошеломляющего успеха, кажется, не знал ни один дирижёр двадцатого века. Но не слабели связи дирижёра с Ярославлем, где, считал он, прошли самые счастливые годы молодости, где он познал всеглаголющую власть музыки и соперничания её с оркестром, годы, когда зародился и окрепла дружба со скрипачом Михаилом Вениаминовичем Успенским, прошедшая через всю жизнь обоих музыкантов.

Вдова Михаила Успенского, Майя Михайловна Зайцева, рассказывает, что более разных по характеру и внешнему облику людей трудно было представить. Юрий – лёгкий, подвижный и эмоциональный. Михаил – высокий, могучий, неторопливый и основательный, немного старше товарища. Познакомились в Саратове. Тогда Михаил, комсомольский вожак консерватории, вместе с другими молодыми музыкантами отстаивал право Арановича возглавить здешний симфонический оркестр на Ярославском фестивале молодёжи и студентов.

Потом жизнь свела их в Ярославскую филармонию. Оба были молоды, увлеклись автотранспортом – не без влияния Успенского. Впрочем, Ара-

нович в одном из писем другу на вершине своей всемирной популярности шутливо писал: «Если бы я не стал дирижёром, то наверняка был бы или шофёром, или работал бы по специальности, связанной с моторами. Между прочим, о том, что я буду или дирижёром, или шофёром, я заявил в возрасте четырёх с половиной лет».

Любовь к быстрой езде, к скорости прошла через всю жизнь друзей, так же как и увлечение фотографией. И в том же письме: «Сейчас есть только одна проблема – время. По контракту я каждый год должен не менее полутора месяцев отдать Америке, пять месяцев обязан работать в Кёльне и два отдыхать. Следовательно, на все гастролы остаётся только три месяца, а это значительно меньше того, что я хотел бы, и во много раз меньше реальных предложений, которые сыплются со всех сторон... А ведь есть оркестры, где я обязан бывать, например, Берлинская филармония, Би-би-си, Парижский национальный оркестр и т. п. Кроме того, хочу побывать в Японии, Австралии... Вот и попробуй решить, всё интересно, всё хочется, а времени в году только двенадцать месяцев».

И каждое письмо заканчивалось одним и тем же: «Обнимаю и целую вас всех крепко-крепко. Не забыли ли вы меня ещё? Привет всем друзьям, которые ещё, может быть, помнят меня».

Его запомнили множество ярославцев, чья юность была неразрывно связана с симфонической музыкой. Среди них – студентка пединститута Татьяна Ласкина-Соколова. Она вела дневник, где есть запись о новом дирижёре. Через полвека она, уже учительница-пенсионерка, неожиданно для себя загорится целью – вернуть Ярославлю имя, незаслуженно вычеркнутое из советской музыкальной жизни.

При активном участии Татьяны в программу Ярославского симфонического оркестра под управлением Мурада Аннамамедова был включён и успешно прошёл концерт, посвящённый 75-летию со дня рождения Арановича. Материалы-воспоминания, собранные Татьяной Соколовой, вошли в книгу «Россия помнит...» изданную при помощи мэрии, еврейской общины, при моральной и материальной поддержке группы лиц.

А дальше стали происходить удивительные события. В процессе подготовки книги Татьяна Соколова установила связь с множеством людей, близких Арановичу. В какой-то момент она и узнала о дружбе, которая многие десятилетия связывала Юрия Михайловича со скрипачом Михаилом Успенским.

Но Успенского уже более десяти лет к тому времени не было в живых. Вдова, скрипачка Майя Зайцева, переехала к дочке Анне, пианистке, в Америку. Казалось, связи прерваны. Но память – активно возрождающая история сила. Приехавшая в отпуск из Америки в Ярославль Анна нашла в бывшей квартире родителей объёмистый свёрток, почти с сотней писем, присланных Арановичем Успенскому.

Без разрешения Майи их никто не решился бы передать в чужие руки. Письма улетели в Америку. Прошёл год, ещё один. И вдруг из Вашингтона в Ярославль прибыла Майя. С тяжёлым пакетом писем. При-

Майя Зайцева-Успенская и Ада Кондакова.

ехала не одна, а с москвичкой Адой Кондаковой, женой Арановича, с которой дирижёр расстался в начале семидесятых, но нежная, тёплая дружба соединяла этих людей до последнего дня жизни Юрия Михайловича.

Более того, Аранович, уезжая из Союза, обратился к Михайлу «с единственной просьбой» – заботиться об Аде, помогать в любых обстоятельствах. Эту просьбу Успенские выполнили, и сейчас жёны музыкантов по-прежнему самые близкие подруги. Не случайно вместе приехали, чтобы передать письма в Ярославский архив. И снова почти чудо.

Аранович постоянно поддерживал переписку с Адой, и она сохранила письма. Выказала своё решение: также передать свой архив в Ярославль. Может быть, на хранении здесь будет самая яркая история дружбы XX века.

Письма Юрия Арановича были переданы в руки директору Ярославского государственного архива Евгению Гузанову, вместе с главой из студенческого реферата Ады Кондаковой о симфоническом оркестре Ярославской филармонии и тетрадь Марии Павловны Работновой, записавшей программы всех концертов Ярославского оркестра с 1946 по 1972 год – 23 программы.

Евгений Гузанов выразил сердечную благодарность женщинам-дарительницам за доверие, оказанное Ярославскому архиву, одному из трёх крупнейших хранилищ памяти России. Сказал, что такого рода доверие ещё более повышает статус ярославских архивариусов, которые обещают полную сохранность документов.

А потом состоялось это необычное чаепитие в кабинете директора. В нём приняли участие Майя Зайцева-Успенская, Ада Кондакова, Татьяна Ивановна Соколова, педагог музыки Светлана Кузнецова, автор статьи о пребывании Арановича в Ярославле, опубликованной в журнале «Музыка и время», Евгений Гузанов, его заместитель Максим Шитиков и ваш корреспондент. Из чашек музейной красоты мы отпили душистого чая, поспеявшись, что нечасто доводится чаёвничать в строгой чистоте архивной ауры.

Итак, 95 писем замечательных людей. Их жизнь в музыке, их отношение к профессии, к славе, популярности, к высокому чувству дружбы, дороже которой, считали они, нет ничего в мире, заботе о близких.

В одном из первых писем другу Аранович задаёт вопрос: не мешает ли тому переписка с

диссидентом? Майя Михайловна рассказывает, что муж был единственным, кто провозжал Арановича в Израиль, другие отrekliсь или испугались. Письма Юрия всегда были праздником для семьи. Они так искренни, так эмоциональны, с десятками восклицательных знаков. Надо их читать, читать и читать. Они не только для музыкантов, а для каждого из нас, потому что в них гений дарит нам понимание ценностей жизни и важнейшей из них – работы, дела.

Вот цитаты из писем разных лет:

«Теперь есть хоть немного времени, чтобы отдышаться! Весь сентябрь работал, как два вола! Одновременно репетировать «Иоланту» и «Китеж» – это безумно тяжело, особенно если учесть, что «Китеж» я играл без единого купюра (а он таким образом идёт 3 ч. 45 мин.). Ничего себе?»

Успех «Иоланты» был огромным! Но что творилось после «Китежа»! Этого не написать и не передать! Это нужно было бы видеть. Публика кричала: Vita Viva! Viva Rimskii!

Мы играли 2 биса! А пресса такая, какую я вообще никогда не читал ни о себе, ни о других! Даже стыдно цитировать!

Одна газета называет меня «великим, непревзойдённым мастером». Другая пишет, что я самый крупный оперный дирижёр, который живёт сегодня, и т. д. и т. п. Нет ни одной рецензии (а их 24), которые не говорили бы лестных и самых высоких слов!

Или, например, журнал, выходящий на английском, немецком и французском языках, написал: «Лишь гению доступно то, что сделал с музыкой и с нами в этот вечер г-н Аранович!» И т. д. и т. д.!

А после концерта я ехал на машине в Рим и в 7 утра уже улетал в Германию. А теперь я в Кёльне. Оркестр тут замечательнейший, играет просто чудесно, и люди такие сердечные и милые! Я с ними очень уже подружился.

Потом маленькая пауза и «Пиковая дама»!..»

И это спустя всего год после приезда в Израиль, после первых самых трудных месяцев новой жизни, изучения языков, первых концертов и после самого главного события – знакомства с Тель-Авивским симфоническим оркестром, с его 110 музыкантами. «Сейчас очень много занимаюсь как партитурой, так и дирижёрской техникой, так много, как никогда в жизни не занимался... Начались переговоры о моих концертах в Лондоне, в общем, планов много, осталось

Татьяна в архиве

Ва-Успенская и Ада Кондакова.

диссидентом? Майя Михайловна рассказывает, что муж был единственным, кто провожал Арановича в Израиль, другие отреклись или испугались. Письма Юрия всегда были праздником для семьи. Они так искренни, так эмоциональны, с десятками восхитительных знаков. Надо их читать, читать и читать. Они не только для музыкантов, а для каждого из нас, потому что в них гений дарит нам понимание ценностей жизни и важнейшей из них — работы, дела.

Вот цитаты из писем разных лет:

«Теперь есть хоть немного времени, чтобы отдышаться! Весь сентябрь работал, как два вола! Одновременно репетировать «Иоланту» и «Китеж» — это безумно тяжело, особенно если учесть, что «Китеж» я играл без единого купюра (а он таким образом идёт 3 ч. 45 мин.). Ничего себе?

Успех «Иоланты» был огромным! Но что творилось после «Китежа»! Этого не написать и не передать! Это нужно было бы видеть. Публика кричала: *Vita Viva! Viva Rimski!*

Мы играли 2 биса! А пресса такая, какую я вообще никогда не читал ни о себе, ни о других! Даже стыдно цитировать!

Одна газета называет меня «великим, непревзойдённым мастером». Другая пишет, что я самый крупный оперный дирижёр, который живёт сегодня, и т. д. и т. п. Нет ни одной рецензии (а их 24), которые не говорили бы лестных и самых высоких слов!

Или, например, журнал, входящий на английском, немецком и французском языках, написал: «Лишь гению доступно то, что сделал с музыкой и с нами в этот вечер г-н Аранович!» И т. д. и т. д.!

А после концерта я ехал на машине в Рим и в 7 утра уже улетал в Германию. А теперь я в Кёльне. Оркестр тут замечательнейший, играет просто чудесно, и люди такие сердечные и милые! Я с ними очень уже подружился.

Потом маленькая пауза и «Пиковая дама»!..»

И это спустя всего год после приезда в Израиль, после первых самых трудных месяцев новой жизни, изучения языков, первых концертов и после самого главного события — знакомства с Тель-Авивским симфоническим оркестром, с его 110 музыкантами. «Сейчас очень много занимаюсь как партитурой, так и дирижёрской техникой, так много, как никогда в жизни не занимался... Начались переговоры о моих концертах в Лондоне, в общем, планов много, осталось

только хорошо продирижировать».

«Вот сейчас как раз слушаю третью симфонию Глиэра «Илья Муромец» в записи Стоковского. Очень интересное сочинение. Нужно купить партитуру и всерьёз обратиться на неё внимание. А вообще работаю я всё время, каждую минуту. Езжу с портативным комбайном, в котором есть всё: и радио, и проигрыватель, и кассетный магнитофон. Слушаю всё время очень много музыки, если не работаю над какой-нибудь партитурой сам. И тебе, между прочим, того же желаю. Только большая работа может дать настоящие результаты. Это в равной степени относится и к гениям, и к нам, грешным».

«В 1975 — 1976 годах у меня будет большое двухмесячное турне по Америке с самыми крупными американскими оркестрами. И если оно принесёт желаемый результат, то тогда вопрос бесспорного мирового признания мне можно считать решённым».

«Но чем большего успеха мне удаётся добиться, тем больше я понимаю, что должен работать ещё в несколько раз серьёзней: ближайшие мои концерты «Борис Годунов» в «Ковент-Гардене», Париж, цикл спектаклей в Швейцарии... Но главное — живу я полнокровной творческой жизнью, играя с лучшими оркестрами мира, самую лучшую музыку...»

«О себе писать особенно нечего: концерты, концерты, концерты! Критика очень хорошая, называют то Карояном, то Тосканини. А нужно быть только самим собой! И честно служить музыке. Тогда всё остальное придёт. Хотя не одни розы на пути, шипы тоже встречаются».

«Могу похвастаться, в этот раз я вёл репетицию в Лондоне на английском языке без переводчицы! В общем, я могу сказать, что говорю очень прилично на английском, немецком и итальянском языках. Но зато какая работа за этим стоит! Несколькими днями назад, 5 июля 1975 года, прошёл самый ответственный концерт в этом году... В Королевском фестивал-холле с Лондонским симфоническим оркестром, по праву считающимся одним из самых лучших оркестров в мире... В программе были Чайковский, пролог из балета «Спящая красавица», Прокофьев, Третий концерт и «Манфред» Чайковского.

Зал прекраснейший, примерно на 3500 — 3700 мест, но с акустикой, как в зале Ленинградской филармонии. После «Манфреда» овации были как в Ухте! Я посылаю тебе лицензию из газеты «Таймс». Прочитай, и ты поймёшь, как это важно, так как Лондон — это музыкальная столица мира, и лондонская критика самая важная и авторитетная».

«Хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на Ярославль, представляю себе, какой он теперь красавец, это замечательный город, город моей юности и моих надежд! Если будет возможность — пришли, пожалуйста, серию открыток Ярославля таким, каков он есть сегодня». 13.08.1974, Иерусалим.

«Я всегда с нежностью вспоминаю ярославский период моей жизни и людей, которым я всегда старался сделать только хорошее». 31.10.1976, Кёльн.

«...Читаю твои строки про деревенскую жизнь, у меня просто слюнки текут, вот что

мне бы очень хотелось ещё раз прожить. Какая это прелесть, русская природа, русская деревня!» 02.06.1977, Кёльн.

«И ещё, Мишка, удивительное дело. Сколько хороших людей было рядом, а был я с ними как-то далековат, а сейчас, когда нас разделяют такое расстояние и надежда на встречу еле теплится, да и не знаю, будет ли это хоть когда-нибудь реальным, я сейчас гораздо ближе к самым дорогим и любимым мной людям, чем когда-нибудь».

В каждом письме приветы и забота об оставшихся в России друзьях: Майе, Аде, о дочке Успенского Анютке, о своей матери, которой не смог закрыть глаза.

Для Успенского — посылки партитур, каких нет в России, лекарства от профессиональных недугов музыкантов — суставов рук, для Ады — постоянная помощь и дружеские советы. И признание: «Успех у меня есть, деньги — тоже, а вот с друзьями — это вопрос сложный, знакомые есть, а вот друзей, которым бы мог своё сердце открыть и последнюю рубашку отдать, — нет... Впрочем, таких людей всегда мало, и если на жизненном пути встретятся один-два, это уже счастье великое. А ты у меня один из самых дорогих людей в жизни».

«Вот насчёт прицепа ты здорово придумал. Как бы хотелось попутешествовать, посмотреть на Россию! Но пока это, как видно, невозможно. Смотри, путешествуя за меня! Красоты-то в Средней России сколько! Никаких Швейцарий не надо».

Увы! Они так больше и не встретились. В 1993 году Михаил Успенский умер неожиданно, скоропостижно. Письмо, адресованное Майе Михайловне, было полно отчаянием от утраты и попытками уменьшить её горе тяжёлой потерей. Сам Юрий Аранович ещё на десять лет пережил друга, работал всё так же напряжённо, всегда в пути, всегда с успехом на всех континентах, во всех концертных залах.

Свой последний концерт давал осенью 2002 года в Париже. На его могиле в Израиле установлен памятник с высеченным на камне отрывком из «Божественной симфонии» Александра Скрябина, которую он очень любил и исполнял на этом концерте.

А письма его вернулись в Ярославль через Вашингтон. Пусть им здесь будет хорошо. Наша встреча перед отъездом Майи и Ады состоялась в квартире, на одной из стен которой был большой портрет Михаила Успенского, сделанный когда-то нашим редакционным фотографом Анатолием Скворцовым для фойе Ярославской филармонии.

На портрете красивый, ещё молодой человек, с бабочкой, с весёлым взглядом. Он, кажется, одобрял наш разговор и наши планы об установке мемориальной доски Юрию Арановичу на здании Ярославской филармонии, с подмостков которой тот сделал первые шаги в мировую известность и в вечную историю музыки. Доска — не только забота группы энтузиастов. Думается, это дело чести всей нашей Ярославской земли.

На всех нас свалился бесценный дар. И давайте подумаем все вместе, у кого есть возможности и деньги, где найти средства для издания этих писем.

Инна КОПЫЛОВА.